

УДК 911.373(470.31)

К.В. Аверкиева¹, Д.Ю. Землянский²

СТРУКТУРА ЗАНЯТОСТИ СЕЛЬСКОГО НАСЕЛЕНИЯ В ЦЕНТРАЛЬНОМ ЧЕРНОЗЕМЬЕ

Проанализированы адаптационные стратегии поведения сельских жителей на рынке труда в регионах Центрального Черноземья на примере 15 сельских поселений Тамбовской и Курской областей. Исследование основано на микроданных Всероссийской переписи населения 2010 г., количественных данных, собранных в ходе полевых исследований в районных и поселенческих администрациях, 56 экспертных интервью с представителями местных властей, бизнеса и работниками социальной сферы.

Результаты анализа показывают, что в Центральном Черноземье трансформация рынка труда связана с сокращением занятости в сельском хозяйстве из-за интенсификации производства и роста территориальной мобильности населения. Основным результатом трансформации – повсеместное формирование устойчиво диверсифицированных рынков труда с малой долей реального сектора экономики. Основной сферой официальной занятости становятся бюджетный сектор и сфера услуг. Преобладающие стратегии адаптации сельских жителей к изменениям на рынке труда – неформальная занятость и маятниковая трудовая миграция. Ведение товарного личного подсобного хозяйства становится основным занятием и источником дохода для очень небольшого числа жителей. Рост трудовой и территориальной мобильности ведет к снижению роли отходничества в пользу расширения маятниковых трудовых миграций. Среди других стратегий распространено иждивенчество, большую долю в структуре занятости имеют «калымщики». Результатом внедрения множества адаптационных стратегий становится изменение образа жизни сельских жителей – отход от ведения традиционного подсобного хозяйства.

Ключевые слова: сельская местность, рынок труда, неформальная занятость, сельское хозяйство, отходничество.

Введение. В России стремительно меняется сельскохозяйственное производство – увеличивается доля вертикально интегрированных холдингов и крупных предприятий. Сельское хозяйство требует меньшего числа работников с более высокой квалификацией. В этих условиях сельским жителям необходимо выстраивать адаптивные стратегии поведения на рынке труда. В Центральном Черноземье, при традиционно больших численности и доле сельского населения, ускоренная трансформация аграрной сферы затрагивает больше людей, чем во многих других районах.

Сегодня аграрная занятость уже не основная для сельского населения. Официально ее доля среди занятых в экономике России составляет около 8%, но число всех граждан, связанных с аграрным сектором, российская статистика оценить не позволяет. Кризис 1990-х гг. и рост мобильности сельских жителей расширили территориальные и отраслевые возможности поиска работы. Новые технологии и сдвиги в структуре сельского хозяйства приводят к массовому высвобождению его работников. К альтернативам занятости на крупных агропредприятиях эксперты относят крестьянские фермерские (КФХ) и личные подсобные хозяйства (ЛПХ), разные виды индивидуального предпринимательства (ИП) в неаграрной сфере, отходничество. Основная задача работы – выявление адапцион-

ных стратегий поведения сельских жителей на рынке труда в двух черноземных регионах. Для этого проанализирована структура занятости, в том числе неформальной, а также самозанятости и отходничества в избранных сельских поселениях.

Материалы и методы исследований. Острота проблемы сельской занятости, особенно в последние 7–8 лет, способствовала росту интереса к ней специалистов. Основное направление публикаций – анализ показателей состояния рынка труда: безработица, напряженность, число рабочих мест в регионе (реже в экономическом районе). Одним из распространенных сюжетов стала доценка сельской безработицы. Ее официально регистрируемый уровень редко превышает 3–5% и даже по оценкам Международной организации труда (МОТ) достигает всего 8%, иногда 10%. Ряд авторов [Бондаренко, Груднева, 2010; Гуляева, Григорьева, 2012; Асеева, 2013] предлагают изменить методику обследований по вопросам занятости и полнее учитывать безработных, относя к ним сезонных работников и занятых в нетоварных ЛПХ. При этом безработица в сельской местности увеличивается до 20–25%, превышая оценки МОТ в 3 раза.

Отдельное внимание в публикациях уделяется мерам по содействию занятости сельского населения. К ним относится поддержка малых форм агропроизводства (товарных ЛПХ, ИП, КФХ) и времен-

¹ Институт географии РАН, отдел социально-экономической географии, науч. с., канд. геогр. н.; e-mail: xsenics@yandex.ru

² Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, географический факультет, кафедра экономической и социальной географии России, науч. с., канд. геогр. н.; e-mail: geozema@mail.ru

ной занятости населения районными центрами занятости [Ульянов, Калабкина, 2014], а также варианты трудоустройства сельских жителей в сфере услуг [Шабанов, 2009] и любом малом бизнесе [Исакова, 2007]. В странах Восточной Европы вопрос диверсификации сельских рынков труда стоит столь же остро [Egedy et al., 2015], там появлению новых рабочих мест в сельской местности способствуют, среди прочего, фонды Европейского союза.

В качестве варианта решения проблемы сельской безработицы рассматривается отходничество. Поездки на заработки упоминают многие исследователи сельской занятости [Фадеева, 2013; Ульянов, Калабкина, 2014]; их экспертная оценка доли отходников среди трудоспособного сельского населения составляет 12–15%. Пристальное внимание современному отходничеству, или «неотходничеству», уделено в работах П.П. Великого [2010], Т.Г. Нефедовой [2015], Ю.М. Плюснина [Плюснин и др., 2015]. Эти авторы разрабатывают собственные методики оценки числа и доли отходников по данным как официальной статистики, так и полевых обследований.

Анализ указанных работ позволяет говорить о глубокой трансформации сельских рынков труда – все большую роль играет нестандартная и неформальная занятость. З.И. Калугина и О.П. Фадеева [Калугина, 2012; Фадеева, 2013] предлагают ввести для ее описания понятие «сельский фриланс» – форма работы, когда жители самостоятельно формируют «портфель заказов» и в течение года находят разные заработки. Это заготовка дров зимой, круглогодичное производство продукции ЛПХ (молока, мяса), сезонные работы в сельском хозяйстве, подработка в строительстве и другие варианты.

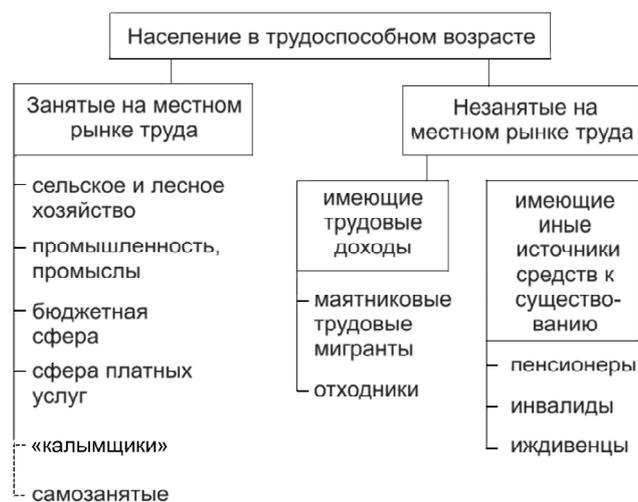

Рис. 1. Схема рынка труда и вариантов источников дохода для сельских жителей трудоспособного возраста. Составлена авторами по материалам экспертных интервью

Fig. 1. The scheme of labor market and options of the revenue sources for the rural population of working age. Compiled by the author on the basis of expert interviews

В рамках исследования, выполненного авторами, сделана количественная оценка структуры сельских рынков труда на основе совмещения разных источников статистической информации. Совмещение разнородных источников информации и сопоставление полученных результатов с материалами экспертных интервью позволяют дать актуальную оценку вклада различного рода деятельности в доходы сельских жителей в трудоспособном возрасте.

Исследование опирается на материалы официальной статистики и полевых изысканий. Основные источники официальной статистики – микроданные (неперсонифицированные детальные данные из опросных листов, агрегированные по населенным пунктам во всех регионах России) Всероссийской переписи населения 2010 г., данные муниципальной статистики, Федеральной службы государственной статистики (ФСГС). При полевых исследованиях в качестве низовой территориальной ячейки выбраны сельские поселения, сохранившие в Черноземье названия «сельсоветы». Всего обследовано 15 сельсоветов в 6 муниципальных районах Курской и Тамбовской областей³, проведено 56 экспертных интервью с представителями местной власти, бизнеса, работниками социальной сферы. Для анализа современного развития сельского хозяйства проанализированы показатели динамики аграрной сферы по материалам муниципальной и федеральной статистики, работы ведущих экспертов в области географии сельского хозяйства [Даньшин, 2013; Нефедова, 2015].

По официальным данным выделены основные сегменты сельского рынка труда. Число занятых в каждом сегменте определяли и по материалам интервью, и по микроданным переписи населения. Из графы «трудовая деятельность» в бланке переписи нельзя понять, где заняты работники, поэтому такие данные собирались в администрациях сельсоветов. Вопрос «Основной источник дохода» позволяет определить число жителей в трудоспособном возрасте, являющихся получателями различных пособий и пенсий, иждивенцами, а также число самозанятых (в данном случае тех, для кого основным источником дохода служит ЛПХ). С помощью микроданных переписи можно также уточнять оценки, выполненные сотрудниками местных администраций, числа жителей трудоспособного возраста, работающих за пределами мест постоянного проживания, – маятниковых трудовых мигрантов и отходников.

Результаты исследований и их обсуждение. По набору сфер приложения труда и источников средств к существованию в сельской местности Черноземье не уникально (рис. 1). Так, детальное исследование сельских рынков труда в российском Нечерноземье в 2014 г. показывает аналогичные результаты [Аверкиева, 2016].

На рис. 2 представлена обобщенная сегментация рынка труда исследуемых регионов. Стан-

³ Льговский и Обоянский районы в Курской области, Моршанский, Рассказовский, Жердевский и Мичуринский в Тамбовской области.

дартную полную занятость имеют максимум 35–40% сельских жителей трудоспособного возраста (хотя занятость в сельском хозяйстве не всегда можно считать полной из-за увольнений на зимний период, и далеко не все маятниковые мигранты устроены официально). Чуть менее 1/3 трудоспособного населения имеют неформальную занятость (в обследованиях по вопросам занятости их относят к самозанятым): это работники ЛПХ и те, кто условно назван «калымщиками», т.е. имеющие нерегулярные заработки. Столько же насчитывается экономически неактивных жителей трудоспособного возраста – иждивенцев и получателей различных государственных пособий. Официально зарегистрированных безработных не более 2%.

Рассмотрим сегменты рынка труда, представленные на рис. 2, детальнее. Доля занятых в сельском хозяйстве (работники агропредприятий и КФХ без сезонных рабочих) в обследованных сельсоветах варьирует от 1,5 до 35%. Максимум наблюдается там, где действует крупное сельскохозяйственное предприятие, а также развито фермерство. Но таких мест мало, чаще встречается ситуация, когда занятость на предприятии стремительно сокращается, а несколько КФХ не компенсируют убыль рабочих мест. В среднем по рассмотренным сельсоветам занятость в сельском хозяйстве составила только 11%.

Во всей России на протяжении последних 20–25 лет она ежегодно снижалась. За 18 лет (с 1995 по 2013 г.) аграрное производство потеряло 3,2 млн человек, или 29% работников. В Сибири и на Дальнем Востоке снижение достигло 60–80%, в большинстве регионов Нечерноземья – почти 50%. Наименьшее сокращение отмечено на Юге России, а в ряде республик (Ингушетия, Северная Осетия, Карачаево-Черкессия) число занятых в отрасли увеличивалось. В Центральном Черноземье работников сельскохозяйственных предприятий стало меньше в среднем на 20%, отрасль потеряла свыше 150 тыс. человек.

Сокращение занятости в сельском хозяйстве не всегда приводит к снижению производства, так как высвобождение работников может быть связано с интенсификацией технологического процесса. Современная сельскохозяйственная техника обрабатывает большие площади при меньших затратах, новые технологии животноводства требуют значительно меньшего числа работников.

В Черноземье в 2000-х гг. сочеталось несколько процессов: предприятия повышали эффективность растениеводства (за счет новой техники, более урожайных сортов и т.д.), отказывались от малорента-

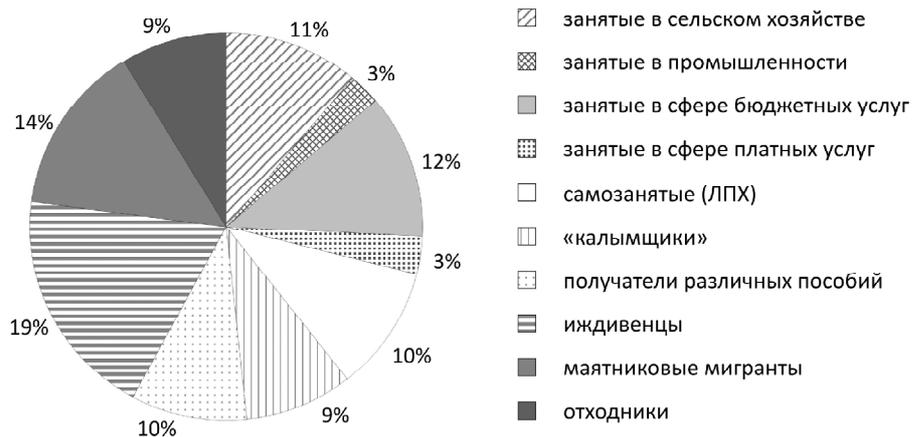

Рис. 2. Структура занятости сельского населения в трудоспособном возрасте (по сельсоветам Курской и Тамбовской областей). Составлено авторами по материалам интервью и микроданным Всероссийской переписи населения 2010 г.

Fig. 2. Employment of the rural population of working age (by village councils of the Kursk and Tambov regions). Compiled by the author on the basis of interviews and the 2010 National Population Census microdata

бельного скотоводства, которое всегда требовало больше работников, а в свиноводстве переходили на максимальную автоматизацию. Поэтому даже при заметном с середины 2000-х гг. росте производства большинства видов сельскохозяйственной продукции (за исключением молока и мяса КРС) происходит постоянное сокращение занятых в сельском хозяйстве (рис. 3).

К аграрной занятости близка и работа в ЛПХ. Она относится к нестандартным формам занятости. В Черноземье сложились хорошие условия для ведения подсобного хозяйства – природные условия позволяют получать большие урожаи, а крупные аграрные предприятия или фермеры, работающие на земельных паях сельских жителей, снабжают их зерном и сеном в качестве арендной платы, что позволяет содержать скот, свиней или птицу с минимальными издержками. Поэтому хотя бы небольшое хозяйство есть почти у каждого, но из-за трудностей со сбытом продукции товарных ЛПХ немного. Respondents note and the loss of skills of agricultural labor by modern residents of the village.

Что касается занятых в промышленности, то их в обследованных сельсоветах оказалось лишь 3%, в основном благодаря тому что в выборку попал сельсовет, где размещается крупное предприятие, обслуживающее нефтегазовый транзит. В большинстве других сельсоветов практически нет промышленных предприятий. Изредка в сельской местности можно найти небольшие производства строительных материалов или местную переработку сельскохозяйственного сырья. В пунктах, расположенных у железной дороги, занятость в промышленности дают хлебоприемные предприятия.

Иногда промышленные занятия сельского населения коренятся в исторической практике. Так, в Платоновском сельсовете Рассказовского района Тамбовской области 24 малых предприятия специализируются на вязке шерстяных носков. Посколь-

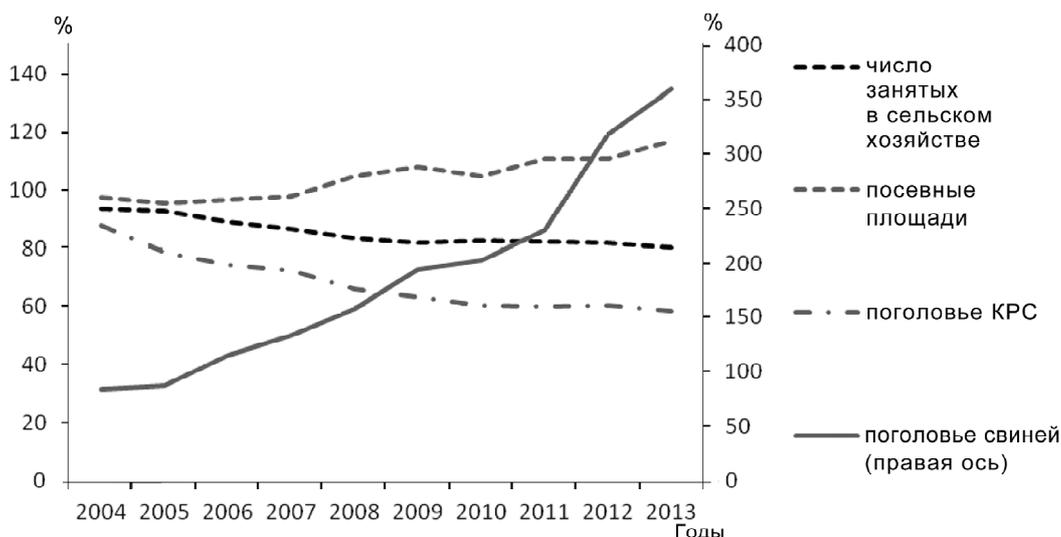

Рис. 3. Динамика посевных площадей, поголовья крупного рогатого скота (КРС) и свиней, а также динамика числа занятых в сельскохозяйственном производстве по всем регионам Центрального Черноземья за 2003–2013 гг., в % к 2003 г. Построено по данным ФСГС и сборников «Регионы России» за 2004–2014 гг.

Fig. 3. The dynamics of sown areas, cattle and pig numbers, and the dynamics of the number of people employed in agriculture in all regions of the Central Chernozem area for 2003–2013, as a percentage of 2003. Compiled using the Federal State Statistics Service data and materials of the «Regions of Russia» books published during 2004–2014

ку еще в советские годы работники Арженского суконного комбината (расположен в г. Рассказово – районном центре) имели возможность «выносить» шерстяную нить, и многие жители района подрабатывали вязкой носков. В настоящее время суконный комбинат прошел через процедуру банкротства, но «носочная» традиция сохранилась, пряжу предприниматели покупают по всей России, а в селах района «почти в каждом доме стоит машина, за неделю всегда можно лишнюю тысячку заработать» (из интервью с заместителем главы Платоновского сельсовета). Такие примеры единичны. В целом сельская промышленность в Черноземье почти не развита. Переработка сельскохозяйственного сырья осуществляется в районных центрах, там же размещаются и другие промышленные предприятия, чаще всего находящиеся в нестабильном экономическом положении.

Слабо развита и сфера платных услуг. Это связано как с низким платежеспособным спросом сельского населения, так и с опасениями сельских жителей оформлять свою деятельность как индивидуальное предпринимательство. Поэтому многие услуги, которые реально оказываются на возмездной основе (строительство, ремонт и др.), в статистику не попадают. Основную занятость в секторе коммерческих услуг дают сельские предприятия торговли, реже общественного питания. В крупных селах также встречаются парикмахерские, швейные мастерские и другие небольшие предприятия бытового обслуживания. Доля занятых в секторе платных услуг повышается (до 8% при среднем значении 3%), если в сельской местности расположены крупные учреждения: дома отдыха, пансионаты, санатории, детские оздоровительные лагеря.

Важную роль на сельских рынках труда играет сфера бюджетных услуг, в основном учреждения

социального обслуживания. В среднем в ней заняты 12% трудоспособных жителей. Эта доля варьирует от 6 до 26% в зависимости от того, какой набор учреждений расположен в пределах сельского поселения. Она минимальна в тех сельсоветах, где прошло объединение и укрупнение школ, больниц, детских садов, сельских администраций. Максимальная доля бюджетников наблюдается там, где расположены крупные социальные учреждения районного или областного значения: дома престарелых, детские дома, интернаты и др. Работа в бюджетной сфере – самая желанная для сельских жителей, поскольку дает стабильную занятость и оплату труда без сезонных колебаний. Единственное, что вызывает опасения жителей, – постоянная угроза оптимизации бюджетных учреждений, связанная с укрупнением сельских поселений.

К числу получателей бюджетных денег в качестве основного источника средств к существованию относятся пенсионеры в трудоспособном возрасте, инвалиды и адресаты иных государственных пособий. Они входят в группу экономически неактивных сельских жителей. Суммарно получателей таких пособий больше, чем сотрудников предприятий сельского хозяйства и КФХ. Эксперты отмечают, что поиск возможности получить какое-либо пособие – одна из самых распространенных стратегий сельских жителей [Великий, Бочарова, 2014]. При этом демографы отмечают сокращение экономически неактивного населения и его доли в общей численности населения трудоспособного возраста за последние 10–12 лет [Варшавская, Денисенко, 2015]. В сельской местности Черноземья получение небольшой пенсии или пособия позволяет иметь средства на покупку товаров длительного пользования, а основную часть продуктов питания сельские жители могут выращивать на своих подворьях. Поэто-

му подобная стратегия поведения на рынке труда довольно распространена.

Еще многочисленнее группа иждивенцев трудоспособного возраста, получающих в качестве основного источника средств для жизни финансовую поддержку родственников или иных лиц либо алименты. Это в основном женщины, с одной стороны, они больше задействованы в домашнем хозяйстве, в уходе за детьми и пожилыми родственниками, а с другой – для них существует меньше вакансий в сельском хозяйстве, промышленности, услугах по ремонту и других видах физической работы. Женских профессий становится все меньше, особенно в условиях постоянного сокращения поголовья КРС. Большинство женщин уже не обращаются в районные отделения центров занятости населения. Нередки случаи, когда муж имеет работу за пределами села (в районном центре с ежедневными поездками или в удаленном городе, где трудится в вахтовом режиме), а жена занимается нетоварным или малотоварным подсобным хозяйством.

Самая трудная для изучения группа – так называемые калымщики (или, по терминологии З.И. Калугиной [Калугина, 2014], сельские фрилансеры), т.е. те, кто имеет эпизодические заработки без официального трудоустройства. Таковы участники временных бригад по строительству и ремонту; те, кто выполняет небольшую работу в домохозяйстве других жителей (подвоз и колка дров, вспашка огородов, прополка); занятые частным извозом без оформления деятельности, сезонные работники в сельском хозяйстве, сборщики грибов и ягод и др.

Другой вариант решения проблем сельской занятости – рост трудовой мобильности. Исследования показали, что за пределами своих населенных пунктов работают около 22% сельских жителей трудоспособного возраста. К ним относятся как те, кто совершают ежедневные и сменные (сутки через двое или трое) трудовые поездки – комьютеры (или маятниковые мигранты), так и отходники, выезжающие на заработки за пределы региона проживания на неделю и более. Такое деление несовершенно. Отходники тоже циркулируют между местами жительства (регистрации) и работы. Кроме того, жители районов, граничащих с соседними областями, могут совершать ежедневные поездки туда, могут работать в вахтовом режиме в пределах своего региона. Но никакие статистические данные не позволяют провести деление иначе.

Массовым отходничеством в Черноземье стало в середине 2000-х гг., когда начались крупные преобразования в сельском хозяйстве: организация крупных агрохолдингов, скупка земельных паев, интенсификация аграрного производства. Респонденты говорят, что сначала преобладали поездки на большие расстояния в вахтовом режиме, а сейчас сельские отходники стараются находить работу поближе к местам постоянного проживания, так как сказываются возраст, ухудшение здоровья и постепенное выравнивание заработной платы в ряде сегментов рынка труда между крупнейшими

городами и региональными центрами. Как в Курской, так и в Тамбовской области распространены ежедневные поездки на крупные животноводческие комплексы и другие предприятия АПК. Например, сельские жители Льговского района Курской области ездят в соседний Коньшевский район на свиноводческие комплексы и комбикормовый завод, а из Обоянского района – в соседнюю Белгородскую область на агрокомплексы компании «Мираторг».

Поддержание основных функций сельской местности Черноземья (производство сельскохозяйственной продукции, обслуживание сельского населения, инфраструктурных и других объектов на селе) требует почти в 3 раза меньше людей, чем проживает в сельской местности в настоящее время. Очевидно, что сама функция деревни постепенно меняется. О переходе от аграрной производящей функции к селитебной и рекреационной уже говорят исследователи [Алексеев, Сафронов, 2015]. Размышления о роли сельской местности встречаются и в словах респондентов: *«Вообще не очень понятно, какой смысл в сельской местности? Хорошего образования в школах не будет, если в школе мало учеников. Чтобы были ученики, надо чтобы в селах жило по 2000 человек, но тогда будет много трудоспособных жителей – а где для них найти работу? В сельском хозяйстве столько не надо. Надо двигаться в сторону малых городов, чтобы были разные варианты приложения труда»*, – так рассуждал директор крупного хозяйства в Обоянском районе Курской области.

С одной стороны, можно ожидать усиления миграции сельских жителей в города, поскольку процесс урбанизации в России еще не завершен. С другой стороны, их переезд в город сдерживает не только дороговизна недвижимости, но и нежелание переселиться. Многим нравится жить в сельской местности, они хотели бы найти работу на месте. Поэтому задача создания сельских рабочих мест по-прежнему актуальна. Представители районных органов власти возлагают надежды на фермерство или на развитие более трудоемкого животноводства. Вопрос о строительстве предприятий по переработке местного сырья не поднимается, поскольку многие перерабатывающие предприятия, расположенные в районных центрах, до сих пор находятся в кризисном состоянии. По всей видимости, реальным выходом в сложившейся ситуации остаются рост мобильности сельских жителей и гибкая реакция на изменения локальных рынков труда при сохранении личных подсобных хозяйств в качестве надежного продовольственного «тыла».

Выводы:

– структура занятости сельского населения Центрального Черноземья трансформируется в результате взаимного действия факторов сокращения занятости в сельском хозяйстве из-за интенсификации производства и роста территориальной мобильности жителей. Основным результатом трансформации – повсеместное формирование устойчиво-диверсифицированных рынков труда с малой долей

реального сектора экономики (преимущественно сельского хозяйства);

– преобладающие стратегии адаптации сельских жителей на рынке труда – неформальная занятость и трудовая миграция. К ним прибегают большинство активных трудоспособных жителей, не способных найти работу в сельском хозяйстве или в бюджетном секторе. Эволюция территориальной мобильности ведет к снижению роли отходничества (трудовых миграций на длительные сроки и расстояния) в пользу расширения маятниковых миграций;

– результатом внедрения множества стратегий поведения на рынке труда, в том числе маятниковых миграций и современной «индустриальной» занятости в сельском хозяйстве, становится измене-

ние образа жизни сельских жителей – отход от традиционного подсобного хозяйства, формирование более жестких категорий бюджета времени (его деления на труд и отдых), повышение требований к бытовым условиям и др.;

– несмотря на лучшие агроклиматические и транспортно-географические условия, чем в других регионах Центральной России, ведение товарного личного подсобного хозяйства становится основным занятием и источником дохода для очень небольшого числа жителей. В то же время те же условия, более высокая плотность населения, повышенная людность населенных пунктов делают ситуацию на рынке труда в сельской местности Черноземья более благополучной и адаптивной, чем в регионах Нечерноземья.

Благодарности. Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект №14-18-00083 «География возвратной мобильности населения в сельско-городском континууме»).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Аверкиева К.В.* Современная структура занятости сельского населения Нечерноземья и роль отходничества в занятости сельских жителей // Изв. РАН. Сер. геогр. 2016. № 1. С. 25–37.
- Алексеев А.И., Сафронов С.Г.* Изменение сельского населения в России в конце XX– начале XXI века // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 5. География. 2015. № 2. С. 66–76.
- Асеева А.А.* Рынок труда и занятость населения в сельской местности Курской области // Вестн. Курской гос. сель.-хоз. академии. 2013. № 2. С. 21–24.
- Бондаренко Л.В., Груднева А.А.* Состояние сельского рынка труда // Уровень жизни населения регионов. 2010. № 3. С. 24–32.
- Варшавская Е.Я., Денисенко М.Б.* Россияне, не готовые работать // Демографический еженедельник Демоскоп Weekly. 16–29 ноября 2015 г. № 663–664. URL: <http://demoscope.ru/weekly/2015/0663/tema07.php> (дата обращения: 05.12.2015).
- Великий П.П.* Неотходничество, или лишние люди современной деревни // Социол. исследования. 2010. № 9. С. 44–49.
- Великий П.П., Бочарова Е.В.* Динамика формирования многоканальности источников выживания сельской семьи // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. Социология. Политология. 2014. Т. 14, вып. 1. С. 30–37.
- Великий П.П., Бочарова Е.В.* Раскрестянивание как индикатор деструктивной трансформации российской аграрной сферы // Социол. исследования. 2012. № 1. С. 126–134.
- Гуляева Т.И., Григорьева Н.В.* Рынок труда: проблемы занятости сельского населения в Орловской области // Вестн. Орловского гос. аграрного ун-та. 2012. Т. 34, № 1. С. 158–162.
- Даньшин А.И.* Современное состояние сельского хозяйства России // География в школе. 2013. № 7. С. 25–30.
- Исакова С.Г.* Занятость сельского населения и методы ее повышения в областях ЦЧР // Никоновские чтения. 2007. № 12. С. 391–392.
- Калугина З.И.* Инверсия сельской занятости: практика и политика // Регион. экономика и социология. 2012. № 2 (74). С. 45–67.
- Нефедова Т.Г.* Занятость и отходничество населения в Ставропольском крае // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 5. География. 2015. № 2. С. 93–100.
- Нефедова Т.Г.* Развитие АПК и продовольственная безопасность России в условиях миграции населения из сельской местности // ЭКО. Всеросс. экон. журнал. 2015. № 9. С. 123–144.
- Петрюк Н.Н., Реутов А.А.* Управление занятостью сельского населения: региональный опыт // Вестн. Белгородского ун-та кооперации, экономики и права. 2006. № 5. С. 128–130.
- Плюснин Ю.М., Позаненко А.А., Жидкевич Н.Н.* Отходничество как новый фактор общественной жизни // Мир России. 2015. Т. 24, № 1. С. 31–75.
- Ульянов В.Н., Калабкина М.А.* Состояние и перспективы развития сельского рынка труда в республике Мордовия // Системное управление. 2014. № 3 (24). С. 11–18.
- Фадеева О.П.* Сибирское село: земля и труд в локальных контекстах // ЭКО. 2013. № 5 (467). С. 29–47.
- Шабанов В.Л.* Развитие несельскохозяйственной занятости и снижение бедности в сельских поселениях разных типов // Никоновские чтения. 2009. № 14. С. 97–99.
- Egedy T., Cerić D., Konopski M.* et al. Entrepreneurship as a potential driving force for the further development of rural areas – Good examples of visegrad countries // Studia Obszaryv Wieskich (Rural Studies). 2015. Vol. 39. P. 103–128.

Поступила в редакцию 11.12.2015
Принята к публикации 25.01.2016

K.V. Averkieva¹, D.Yu. Zemlyansky²

EMPLOYMENT PATTERN OF RURAL POPULATION IN THE CENTRAL CHERNOZEM AREA

Adaptation strategies of rural dwellers behavior on the labor market in the regions of the Central Chernozem area are analyzed for 15 rural settlements of the Tambov and Kursk oblasts. Research is based on the microdata of the 2010 All-Russian population census, quantitative data collected in regional and settlement administrations, 56 expert interviews with representatives of local authorities, business and

¹ Institute of Geography, Russian Academy of Sciences, Department of Social and Economic Geography, Research Scientist, PhD in Geography; e-mail: xsenics@yandex.ru

² Lomonosov Moscow State University, Faculty of Geography, Department of Economic and Social Geography of Russia, Research Scientist, PhD in Geography; e-mail: geozema@mail.ru

social institutions. The results of the analysis show that labor market transformation in the Central Chernozem region is due to the reduction of employment in the agricultural sector because of the intensification of production and the growth of territorial mobility of the population. The main result of transformation is the formation of steadily diversifying labor markets with a small share of real production sector. The budgetary sector and services becomes the main sphere of official employment. The prevailing strategy of rural dwellers adaptation to the changes of labor market is the informal employment and commuting. Just few people are engaged in and get income from their private plot activities. Growth of labor and territorial mobility decreases the role of seasonal work in favor of the expansion of commuting. Other strategies include the widespread dependency or working another job to supplement the income. Introduction of numerous adaptation strategies results in the change of the rural conduct of life, i.e. withdrawal from maintaining the traditional subsidiary farming.

Keywords: rural zone, labor market, informal employment, agricultural industry, seasonal work.

Acknowledgements. The research was financially supported by the Russian Science Foundation (project № 14-18-00083).

REFERENCES

- Alekseev A.I., Safronov S.G.* Izmenenie sel'skogo rasselenija v Rossii v konce XX– nachale XXI veka [Changing rural settlement in Russia at the end of XX – beginning of XXI century], Vestn. Mosk. un-ta, Ser. 5, Geografija, 2015, no 2, pp. 66–76 (in Russian).
- Aseeva A.A.* Rynok truda i zanjatost' naselenija v sel'skoj mestnosti Kurskoj oblasti [The labor market and employment in rural areas of Kursk region], Vestn. Kurskoj gos. sel'.-hoz. akademii, 2013, no 2, pp. 21–24 (in Russian).
- Averkjeva K.V.* Sovremennaja struktura zanjatosti sel'skogo naselenija Nechernozem'ja i rol' othodnichestva v zanjatosti sel'skih zhitelej [The current structure of the employment of the rural population and the role of Nechernozemie seasonal work in the employment of rural residents], Izv. RAN, Ser. Geogr., 2016, no 1, p. 25–37 (in Russian).
- Bondarenko L.V., Grudneva A.A.* Sostojanie sel'skogo rynka truda [Status of rural labor market], Uroven' zhizni naselenija regionov, 2010, no 3, pp. 24–32 (in Russian).
- Dan'shin A.I.* Sovremennoe sostojanie sel'skogo hozjajstva Rossii [The current state of agriculture in Russia], Geografija v shkole, 2013, no 7, pp. 25–30 (in Russian).
- Egedy T., Cerić D., Konopski M.* et al. Entrepreneurship as a Potential Driving Force for the Further Development of Rural Areas – Good Examples of Visegrad Countries // Studia Obszary Wiskich (Rural Studies) 2015. Vol. 39. P. 103–128.
- Fadeeva O.P.* Sibirskoe selo: zemlja i trud v lokal'nyh kontekstah [Siberian village: land and labor in local contexts], JeKO, 2013, no 5 (467), pp. 29–47 (in Russian).
- Guljaeva T.I., Grigoreva N.V.* Rynok truda: problemy zanjatosti sel'skogo naselenija v Orlovskoj oblasti [Labor market: the employment problem of the rural population in Orel region], Vestn. Orlovskogo gos. agrarnogo un-ta, 2012, Vol. 34, no 1, pp. 158–162 (in Russian).
- Isakova S.G.* Zanjatost' sel'skogo naselenija i metody ee povyshenija v oblastjakh CChR [Employment of the rural population and improve its methods in the areas of the CCA], Nikonovskie chtenija, 2007, no 12, pp. 391–392 (in Russian).
- Kalugina Z.I.* Inversija sel'skoj zanjatosti: praktika i politika [Inversion of rural employment: Practice and Policy], Region. jekonomika i sociologija, 2012, no 2 (74), pp. 45–67 (in Russian).
- Nefedova T.G.* Zanjatost' i othodnichestvo naselenija v Stavropol'skom krae [Employment and othodnichestvo in the Stavropol region], Vestn. Mosk. un-ta, Ser. 5. Geografija, 2015, no 2, pp. 93–100 (in Russian).
- Nefedova T.G.* Razvitie APK i prodovol'stvennaja bezopasnost' Rossii v uslovijah migracii naselenija iz sel'skoj mestnosti [Development of agriculture and food security of Russia in the conditions of migration from rural areas], JeKO. Vseross. Jekonom. Zhurnal, 2015, no 9, pp. 123–144 (in Russian).
- Petrjuk N.N., Reutov A.A.* Upravlenie zanjatost'ju sel'skogo naselenija: regional'nyj opyt [Managing the employment of the rural population: regional experiences], Vestn. Belgorodskogo un-ta kooperacii, jekonomiki i prava, 2006, no 5, pp. 128–130 (in Russian).
- Pljusnin Ju.M., Pozanenko A.A., Zhidkevich N.N.* Othodnichestvo kak novyj faktor obshhestvennoj zhizni [Seasonal work as a new factor of social life], Mir Rossii, 2015, Vol. 24, no 1, pp. 31–75 (in Russian).
- Shabanov V.L.* Razvitie nesel'skohozjajstvennoj zanjatosti i snizhenie bednosti v sel'skih poselenijah raznyh tipov [The development of non-agricultural employment and poverty reduction in rural areas of different types], Nikonovskie chtenija, 2009, no 14, pp. 97–99 (in Russian).
- Ul'janov V.N., Kalabkina M.A.* Sostojanie i perspektivy razvitija sel'skogo rynka truda v respublike Mordovija [Status and prospects of development of the rural labor market in the Republic of Mordovia], Sistemnoe upravlenie, 2014, no 3 (24), pp. 11–18 (in Russian).
- Varshavskaja E.Ja., Denisenko M.B.* Rossijane, ne gotovy rabotat' [The Russians are not ready to work], Demograficheskij ezhenedel'nik Demoskop Weekly, 2015, no 663–664, pp. 16–29. URL: <http://demoscope.ru/weekly/2015/0663/tema07.php> (Accessed: 05.12.2015) (in Russian).
- Velikij P.P.* Neothodnichestvo, ili lishnie ljudi sovremennoj derevni [Neo othodnichestvo work, or extra people modern village], Sociolog. Issledovanija, 2010, no 9, pp. 44–49 (in Russian).
- Velikij P.P., Bocharova E.V.* Dinamika formirovanija mnogokanal'nosti istochnikov vyzhivaniya sel'skoj sem'i [Dynamics of formation of multi-channel sources, the rural family's survival], Izv. Sarat. un-ta, Nov. ser., Ser. Sociologija, Politologija, 2014, Vol. 14, no 1, pp. 30–37 (in Russian).
- Velikij P.P., Bocharova E.V.* Raskrest'janivanie kak indikator destruktivnoj transformacii rossijskoj agrarnoj sfery [Raskrestyanivaniya as an indicator of the destructive transformation of the Russian agrarian sector], Sociolog. Issledovanija, 2012, no 1, pp. 126–134 (in Russian).

Received 11.12.2015

Accepted 25.01.2016